

Ведьма, Я ТЕБЯ ЗНАЮ

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

ЕВГЕНИЯ МЭЙЗ

Евгения Мэйз

Ведьма, я тебя знаю

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=43203004

SelfPub; 2022

Аннотация

Это произошло на Halloween. Она пришла чтобы повеселиться, выпить, потанцевать с друзьями и побыть грозной богиней. Дух праздника, святые, нечисть или провидение немного изменили ее планы – сделали ведьмой, столкнули с таинственным незнакомцем и привили тайную любовь к средству от кашля. Спин-офф цикла "Нить судьбы" самостоятельная часть романа "Опасный вкус" При создании обложки использованы материалы с сайта shutterstock и depositphoto.

Содержит нецензурную брань.

Евгения Мэйз

Ведьма, я тебя знаю

ГЛАВА 1

– Просыпайся, соня!

Я потеряла глаза, еще раз взглянув на экран телефона. Реджина!

– Как тебе удалось проснуться в такую рань?!

Смена часовых поясов, утомительный перелет в эконом-классе через Тихий океан, остановка в Лос-Анджелесе, а потом через всю Америку в Нью-Йорк.

В салоне было все, что способно убить радость от долгожданного отпуска, командировки и первого полета самолетом, – плачущие дети и шумные мамы, пьяные пассажиры, больные люди, кашель, рвотные позывы, громкие возгласы и истеричные требования, шелест упаковок, трясущаяся спинка кресла, потерянная маска для сна и забытая в прошлом аэробусе подушка для шеи, нестерпимые запахи и храп. Американцы всегда шумные, а на внутренних рейсах еще и более наглые. Будь проклята Барбара, что сэкономила на их билетах и заставила пройти это чистилище!

– Привычка! Что с твоим голосом?

Слышно, что Реджина очень весела, бодр и жизнерадостна, но в последнем вопросе проскальзывают нотки тревоги. Я начинаю подозревать, что у нее не все так плохо с деньга-

ми, раз хватает на стимуляторы. Или Барабара подбрасывает ей их, как раз на ту разницу, что она делает на “горящих” предложениях от авиакомпаний.

– Кажется, продуло под кондиционером в такси.

Я не выспалась. Особенно сильно это ощущалось после того, как бросила взгляд на запястье, опоясанного тоненьким ремешком миниатюрных часиков. Я не перевела стрелки на американское время, и по всему выходило, что в другой части земного шара раннее утро. Мозг верит увиденному и хочет отдыха во что бы то ни стало.

– Ничего страшного? Ты не передумала идти на вечеринку?

Я переключила микрофон на фоновый режим и пошлепала вместе с ним в ванную, глядя на себя, такую взлохмаченную, сонную, с размазавшейся тушью, которую не стала смывать накануне, а просто завалилась в постель, наплевав на все гигиеническо-косметические процедуры. Видок у меня, как из рекламы антидепрессантов или средства от похмелья.

– Нет. Верю в силу бокала шампанского, что все излечит и исцелит.

Редж смеется, в ее веселье слышится облегчение. Еще бы! Наверняка, она настроилась и ожидает от этого вечера больше, чем костюмированная вечеринка с коллегами, с которыми она проработала без малого последние пять лет. Я пообещала взять ее на хэллоуинское party для больших боссов и их начинающих набирать силу сынков, знающих цену всему

и вся жен, а также стервозных сестер. Не вижу в них ничего особенного (я про вечеринки, если что), Тео в свое время избаловал меня ими.

– Ты кремень! Спасибо, что не ноешь и не просишь чашку бульона.

На самом деле не все так страшно. Горячий душ. Кофе. Сэндвич величиной с небоскреб, и я буду в норме.

“Тебе тоже спасибо, дорогая, за твою человечность!”

Я ворчу, но только про себя, умываюсь, потому что знаю, что уже не усну.

– У нас должен быть праздник после всего, что нам удалось сделать.

Если уж быть честной, не в кондиционерах дело, а в моей попытке попасть в отчий дом, а потом в квартиру бойфренда. Зря я это сделала, но вспоминать об этом не хочется, да и Реджи знать об этом совсем не обязательно.

– Мы договорились встретиться с тобой и прошвырнуться по магазинам. Сегодня Хэллоуин. Пора искать костюмы!

Правильно сказать – поздно. Все приличное уже разобрали, остались тыквы, крокодилы, парные наряды хот-догов, смурфов и диснеевских персонажей по типу бурундуков. И конечно самые обыкновенные наряды ведьм, стюардесс, медсестер, вампиров с отсутствующей на ценнике приставкой “доступна”. Знаю еще пару мест, где можно обзавестись маскарадными костюмами, но вовсе не напрокат, а с покупкой всего, что входит в образ: платье, маска, чулки,

туфли, вуалька или шляпа. Но я сомневаюсь, что поведу туда коллегу. Мне и самой жаль потраченных денег на шикарный, но все-таки однодневный наряд. Однако есть еще одна причина, и она, пожалуй, главная.

Сама Реджина.

Она вряд ли сможет позволить себе что-то подобное. Я не хотела бы ставить девушку в неловкое и стесненное положение. Особенно после Лос-Анджелеса. Цены бутиков города ангелов кусались даже с заманчивой надписью на витрине “Ниже, чем у нас, только в Молле!”.

“Охреть! – ругается подружка в моих воспоминаниях. – Нью-Йорк выходит, по их представлениям, молл?!”

Реджина перебирает платья, которые будут сидеть на ней, как влитые, скроют все, что она надеется спрятать, подтянут, если вдруг что висит, и выставят напоказ в самом выгодном свете даже очень скромные достоинства. Нью-Йорк не молл, но и это бутик не эконом-класса.

“Сама-то я смогу позволить себе наряды от Нины?”

Да, мне это по карману. У меня есть отложенные деньги. Работа на несколько изданий принесла свои плоды, но я об этом не распространяюсь.

Это не этично. Плохой тон.

Есть еще подарки в виде “наличных”. Но! Опять-таки! Мне не хочется разбазаривать заработанные деньги на пару минут славы.

“На что еще тратить деньги, как не на милые сердцу пу-

стяжки? Молодость бывает один раз в жизни! Принцессой ты бываешь всего несколько раз в году, не жадничай!”

Реджина зачитывает список тех мест, куда нам нужно непременно попасть, чтобы найти хоть что-то стоящее.

Мимо.

Там точно остались костюмы для узконаправленных вечеринок и выступлений при закрытых дверях.

– Последний вариант – пойдём к девчонкам из глянца, поищем что-нибудь такое у них.

Я чищу зубы и говорю “Угу”, в ответ на ее прощание: “Заеду через полчаса”. У меня есть час, даже полтора. Реджи не волшебница и преодолеть городской трансфер с его вечными пробками за считанные минуты ей не под силу.

ГЛАВА 2

Мама встретила меня и устроила очередной разнос, не дав пройти дальше холла, выпустить из рук чемодан. Она была уверена, что я приперлась с очередной попойки.

Меня же вымотал перелет, отсутствие сна, напряжение от жесткого графика съемок, смена часовых поясов и промозглость нью-йоркского утра.

Ее не смутило наличие багажа. Она не пьяна. Мама больна и страдает провалами в памяти, путает прошлое и настоящее. Если пропускает прием таблеток – ей становится хуже, если лечит это алкоголем – просто невыносимо. Сегодня было особенно невыносимо, и она назвала меня стервозной сукой.

Всё бы ничего. Я привыкла, но обвинений, что своим рождением испортила ей жизнь и распрекрасную судьбу, не вынесла.

Натянутые нервы не выдержали. Я сорвалась.

“Надо было делать аборт и жить желанной жизнью стервозной суки!”

Впервые повысила голос, высказала ей все, зная, что она частично забудет этот разговор, а потом я расплакалась. Она не виновата, что это случилось с ней, я просила прощения, но она вновь стала кричать, перечисляя все мои грехи.

Я забрала чемодан и поехала к Ричарду.

Швейцар и консьерж знали меня, но последний отказался впустить меня в квартиру. Это задело, неприятно царапнуло, также как отсутствие парня в аэропорту. Ричарда не было дома и указаний на мой счет от него не поступало.

В итоге, я ночевала на съемной квартире Теодора, бросив все попытки дозвониться до Безоса после третьего не ответившего вызова.

– Привет, ты чего так поздно? – Друг взял трубку не так быстро, как хотелось бы, но откликнулся, чего не сделал официальный бойфренд.

Гадкое слово, отдающее старшей школой.

– Мне нужны ключи от твоей квартиры.

Я не стала вдаваться в лишние на данный момент подробности. Тео кивнул, да, я чувствовала, как он сделал это, а потом сказал:

– Окей. Бери такси, я сейчас позвоню и предупрежу о тебе.

И всё же это трудно назвать квартирой. Огромный пентхаус, доверху набитый выпивкой, едой, дорогими вещами, мебелью, живописью, техникой и всем своим видом говорящий о наступлении дня всех святых. Тыквы от мала до велика совсем не оранжевые, а черные, зеркальные, серебристые, с глиттером, из стекла и хрусталя. В последних будет лед и шампанское для девочек, пиво и кровати для мальчиков, а может “Кровавая Мэри”, или еще что-то, что требует охлаждения. Сегодня вечером или завтрашней ночью здесь что-то случится, поэтому не стоит торопиться развешивать вещи на вешалках и раскладывать лифчики по полкам.

ГЛАВА 3

– Привет, милая!

Ричард. Неужели он вспомнил о моем существовании? Несколько часов назад я отправила его имя пинком на помойку, вот только номер телефона не заблокировала, подумала, что он рано или поздно объявится и будет очень даже любопытно послушать его оправдания.

– Доброе утро, что-то случилось?

Голос никак не выдает мое настроение. Есть кое-какие плюсы в болезнях такого рода. Смешно, но простудилась я уже будучи дома, а не там, где постоянно хотелось нырнуть в бассейн со льдом. Надо купить чего-нибудь эдакого. Отец в свое время лечил меня имбирными леденцами. Да, да, да.

Он врач, но верит народным рецептам, но так его лечила его мама и... Это очень вкусно!

– Звонишь в такую рань, – продолжаю я, слушая фоновый шум в своем смартфоне.

– Милая, это у тебя сегодня выходной, – откликается он незамедлительно, деланно смеется, – а у меня трудовые будни.

Я бреду с телефоном обратно в спальню, никак не комментируя сказанное им. Именно потому, что у него рабочий день, его голос так восхитительно шершав, каким бывает только по утрам, не приобретя деловитость и стальные нотки, появляющиеся у него на работе, в окружении подчиненных.

– Приезжай ко мне?

Я разбираю чемодан, выбрасывая из него мятые вещи прямо на пол. Не так уж и много у меня осталось для такого времени года. Мне нужен жакет, джинсы и топ – самое то, чтобы прошвырнуться по магазинам и не переживать за свой внешний вид. Это всегда в теме и не выйдет из моды никогда.

– Подчиненные не поймут. – У меня не получается выговорить это без издевающейся усмешки.

– Плевать.

Сколько он уже перетискал на этом диване, раз ему все равно, что о нем подумают другие? Гадство!

– Лекси?

– М-м-м?

– Ты не приедешь?

– Нет, диван слишком неудобный.

Мне не нравится, когда мне лгут и делают из меня дуру. Я себя не на помойке нашла, чтобы позволять обращаться со мной подобным образом. Пожалуй, мне нужны были эти три недели работы в бешеном ритме, когда были только работа-отель-работа, чтобы понять, как же меня достало все это.

– Ты права. Спина затекла. Прикажу заменить его.

Он спит на рабочем месте? Не замечала за ним симптомов “трудоголизма”, а вот за мистером Безосом, его отцом, – да. Судьба компании, которую он начал выращивать еще в гараже, беспокоила его каждый день, днем и ночью, даже теперь, когда та была наполнена сверху донизу высококвалифицированными сотрудниками, которым платили за ночевку в офисе хоть круглый год подряд и даже больше – их снабжали золотыми парашютами, чтобы они делали свою работу максимально хорошо, как в последний день, как будто завтра им предстоит умирать.

– Ты серьезно?

– Да, прикажу выбросить его и заказать новый. Тебя это удивляет?

Что могло заставить его остаться в офисе? Вечеринка? Секретарша? Сотрудница? О том, что он поехал в офис такую рань даже речи быть не могло. Досыпать сны на офисном диване? Это не про Ричарда! Он придет в офис свежим, бодрым, в новом костюме и в свежей сорочке к обеду,

но никак не станет творить такое!

– Меня позвали на вечеринку в кампус, – тем временем сообщает мне Рик, задвинув бесполезный разговор о мебели на задний план.

Я же решаю, как стоит поступить дальше. Послать его сейчас или все же выслушать его объяснения, посмотреть в глаза, а там уж красиво махнуть хвостом, заявив о разрыве?!

– А меня – нет, – солгала я, не моргнув глазом. У меня хорошие учителя, черт возьми!

В трубке зашуршало, и я узнала этот звук – так закрывают динамик ладонью, чтобы собеседник не услышал ничего постороннего.

“Про кнопку микрофона этот придурок верно не вспомнил!”

Ситуация стала не злить, а забавлять. Я всерьез задумалась над тем, чтобы принять предложение университетской братии. Меня тоже звали в “Каппу”, но я сослалась на занятость. Что мне было делать среди университетской молодежи? Знала я, как смотрят молодые “сестры” на тех, кто уже выпустился.

Я это тоже проходила, но была по ту сторону баррикад.

Обсудят, назовут старухой, чтобы я обязательно это услышала, даже если я при этом буду выглядеть на миллион, как вся “Каппа” вместе взятая.

– Ты что решил?

– Решил заглянуть, уважить братство.

Мне нечего доказывать тем студентам, как и повышать свою самооценку тоже не нужно. Ему же необходимы уважение и восхищение, потому что на работе за фальшивыми, вежливыми улыбками все и так знают, кому он обязан своим креслом – отцу и никому больше.

Это нормально. Это правильно. Но уважение надо заслужить, а восхищаться, по сути говоря, пока нечем.

– Будешь лапать молоденьких студенток.

Я даже не спросила, а сказала уверенная более чем наверняка, что бы тот ни сказал сейчас – так будет обязательно. Если честно, то это вырвалось из меня мимо моей воли.

– Ты знаешь, что нет.

Студенческое сообщество дало и мне кое-какие бонусы. Многих из “Каппы” я встречаю на руководящих постах, вот взять хотя бы ту же Барбару. Мы учились в разное время, но обе носим символику сообщества и знаем, что мы из одного клуба, в котором давали клятву поддерживать друг друга во всем и всегда.

Пафосно звучит, но в большинстве случаев так оно и есть. Тебе помогут на первых порах, а дальше двигайся самостоятельно, ведь чего ты добьешься в этом мире зависит лишь от тебя.

Барбара.

Не верю я, что она была заводилой, иконой стиля, мозгом группы, но на месте главного редактора Барбара сидит уверенно, только вот, на мой взгляд, разменивается по мелочам.

Хотя...

Там тысяча, тут сотня... И вот она может слетать во внеочередной отпуск, пусть и на недельку, на Гавайи или Мальдивы.

– Сплетни мне не нужны. – Голос Ричарда вернул меня в реальность.

Мило, что его останавливает только это, а не то, что у него есть я. Очень мило, аж скулы сводит от осознания сказанного.

– Надеялся, что ты приедешь ко мне этим утром, ждал тебя, встал пораньше.

– Надеялась, что ты встретишь меня в аэропорту, – вернула ему я, поражаясь самой себе и своей выдержке, что так долго терпела этот спектакль.

Желание принять приглашение “сестер” обозначилось сильнее.

“Приехать вместе с ним и бросить у всех на глазах!”

Я этого не сделаю. Мне жаль потраченного времени. Я не актриса и мне не нужно всех этих зарисовок и дешевых мизансцен, чтобы ощутить свой триумф.

Все будет очень просто, со вкусом и без ненужного драматизма. Ричард начнет искать себе подружку сегодня же, среди студенток или тех с кем провел прошлый вечер.

– Ты знаешь, что мне с утра на работу.

– Да, поэтому я приехала к тебе, а тебя не оказалось дома, – не выдержала я, послав к черту триумфальный разрыв.

Молчание. Ему понадобилось время, чтобы осознать сказанное.

– Лекси, у меня завал на...

Я отключила телефон и отправила номер телефона Безоса-младшего в глухой и беспросветный список “Отверженные”. Не надо кормить меня наспех выдуманными историями и делать еще большую идиотку.

“Пора что-то менять”, – эта мысль обозначилась в сознании еще четче, чем раньше.

ГЛАВА 4

– Ты похудела, Лекси.

Не сильно. Радует, что для платьев Нины куда выгоднее будет похудеть, нежели поправиться – они всегда шьются в единственном экземпляре и ждут своего выхода, ту самую, свою единственную обладательницу. Это касается любых нарядов, не только тех, что шьются для невест.

– Цвет, все дело в нем. – Меня немного смутило то, с какой теплотой она посмотрела на мое отражение. – В таком будешь выглядеть стройной и хрупкой, даже если весишь центнер.

Реджина сидит на диванчике и пока не произнесла ни слова. Как бы она ни старалась, у нее не получается убрать это восторженно-ошарашенное выражение лица. Глаза у нее как у ребенка, впервые попавшего в “Хэмлиз” на Рождество.

– Почему серый цвет некоторым кажется таким скучным?

Нина – не та самая легендарная портниха Нина Риччи,

сделавшая головокружительную карьеру ничем не уступающую в успехе Коко Шанель, она – ее невестка, помощница, верная и преданная дочь, которой у иконы стиля никогда не было. Она поправляет на мне платье, пока я стою на подиуме и рассматриваю себя в зеркале. Нина встречается со мной глазами и вновь улыбается, где-то очень далеко, в своих мыслях. Мне бы очень хотелось знать, о чем думает эта женщина, с которой я знакома добрую вечность. Мой первый наряд от кутюр был именно отсюда. Он до сих пор у меня в шкафу, бережно-хранимый, тщательно оберегаемый, периодически отправляемый в химчистку для ухода и повторной глажки. Маленькое платье для семилетней меня все еще кажется мне эталоном стиля и вкуса. Мой папа до сих пор возглавляет список самых идеальных и прекрасных мужчин на свете. Именно он привел меня к Нине, подарил первую диадему и повел на бал гадкого “Тореодора”. Так я называла Тео в самом начале нашего знакомства.

– Из-за устойчивого выражения “серая мышь”? – подает голос Реджи.

Серый цвет может быть скучным в обычной жизни, но на мне он смотрится просто великолепно. Такая капризная ткань, что обычно подчеркнула бы все недостатки, теперь при различном освещении, при этом крае “сидит” необыкновенно хорошо.

– Если ты вдруг передумаешь...

Нина поднимается и подает мне руку, чтобы я прошла

сначала по кругу вокруг нее, потом по магазину, чтобы почувствовала природу платья, его дух, как оно летит за мной, как заставляет двигаться и держать себя. Диадема медного цвета, удерживающее ткань платья колье-ошейник, куча цепочек с бирюзовыми вставками в них холодят кожу спины, опоясывают под грудью, переходя в широкие металлические ленты, ложатся на бедра. Я буду грозной и всемогущей, женственной и такой красивой.

– Мне еще требуются модели для зимней коллекции.

Я киваю. Мне нужны деньги. Мне нужно свое место в этом мире. И лучше не отказываться от таких щедрых приглашений, даже если моя нынешняя работа завязана на том, что я по другую сторону объектива фотоаппарата.

– Спасибо, я обязательно подумаю над вашим предложением.

Я бросаю взгляд на Реджину и делаю знак рукой. Она должна примерить хоть что-то.

– Я заберу платье, туфли и тиару.

Губы Реджи искусаны и сияют ярко-красным от прилившей крови. Я примерно догадываюсь, о чем она думает, но заставить встать на мое место не могу. У меня не получилось это в начале, вряд ли получится сейчас.

Она яростно качает головой и делает квадратные глаза на мое тихое: “Давай же!”.

Чувствую себя, как и думала с утра, неловко. Она не может позволить себе это. Я бываю принцессой несколько раз в

году – на день рождения, Хэллоуин и новый год. Реджи еще реже.

Я же куплю этот наряд, потому что если убрать головной убор (слава богу, он сделан из полудрагоценных камней), то это платье можно считать вечерним! На мой взгляд, очень хорошее вложение средств.

ГЛАВА 5

Я люблю и ненавижу такие мероприятия. Народу не так много, как в зале этажом ниже. Ума не приложу, как Барбаре удалось снять помещение для вечеринки в здании отеля Рузвельта, и не понимаю, как оказались в этом соседстве с ними все люди в этом зале. Это уму непостижимо, особенно, если узнать устроителей подобных мероприятий. Таких въедливых, как, к примеру, миссис Грант.

Но так даже проще. Не надо мотаться из одного конца города в другой и думать, когда же стоит свалить с вечеринки, чтобы не пропустить самое интересное на другом party.

Все улыбаются, беспрестанно приветствуют друг друга поцелуем в щеку, демонстрируют разные по степени искренности улыбки. Мне везет в нескольких случаях – я натываюсь на вполне себе правдивые объятия, теплые слова, искренний интерес к моей жизни.

Я люблю такие мероприятия! Отель Рузвельта и в обычные дни выглядит так, будто сошел со страниц сказочной книги, а уж в праздники, оформление холла заставит неподготовленного посетителя ходить по нему с раскрытым ртом.

Отдельного внимания заслуживают оформленные к празднику конференц-залы и территория ресторанов, флеш-мобы, выступления именитых исполнителей, вечеринки, на которых столкнутся отпрыски сиятельных особ, миллионеры и селебрити.

– Дарресон! – Меня останавливает оклик, врезавшийся прямо в спину, заставивший мои губы расплыться в радостной улыбке.

Маска на моем лице для него не помеха, так же как и я узнаю его, будь он хоть в костюме кирпича. Я оборачиваюсь.

– Тео!

Я восклицаю, обрадованная встречей со старым другом, но вместо того, чтобы позволить ему обнять себя, отталкиваю его и обнимаю его подружку, ловко, слегка коснувшись ее предплечья пальцами. Я не знаю ее, но целую в щеку и говорю:

– Привет, ты отлично выглядишь. – Я отстраняюсь, киваю на ее платье и спрашиваю: – Селена?

– Да.

Выражение ее лица можно охарактеризовать, как удивленное. Под эту фантазмагорию чувств я, наконец, обнимаю Тео, ненадолго повиснув на его шее.

– Я не видела тебя целую вечность!

Он поднимает меня в воздух, взяв за талию. Все это длится лишь мгновение. Тео очень легко касается моей щеки своей и ставит на место.

– Ты порядком одряхлел за эти три недели!

– Ты тоже успела набрать пару фунтов.

Он бросает выразительный взгляд в сторону моей задницы. Я отгибаю средний палец. Хамство! Дерзость! Плебейские манеры! Наша дружба пережила многое.

– Знакомься, – Тео теперь обращается к девушке, тут же вцепившейся в его локоть, – Мэлоди, это мой дружбан, о котором я тебя так много рассказывал – Алекс.

На переносице девушки-богини, между ухоженных и четко очерченных бровок, как раз над золотым кружевом узкой маски появляется крохотная морщинка недопонимания, но я тяну ей руку, жму прохладную ладонь.

– Подозреваю, ты представляла меня несколько иначе, однако Алекс Дарресон – это я.

– Да, но только, – она оборачивается к Тео, который весьма и весьма доволен своей шуткой, – ты не говорил, что Алекс Дарресон – это девушка.

Я киваю, но бросаю на Тео убийственный взгляд. Этот фокус, как раз в его духе. Он уже не в первый раз проделывает его, знакомит меня с девчонками и все! Я их больше не вижу, если только в сопровождении каких-то других ребят.

– Он просто не хотел волновать тебя раньше времени, верно?

Он оглядывает меня с головы до ног, а потом в обратную сторону. Ненавижу его в такие моменты! Мы друзья на все двести процентов, однако, девицам этого не объяснить. Я по-

казываю ему кулак. У меня, кстати говоря, есть даже свой клуб ненависти. Тео показал сайт в интернете. Он был активен в период нашей учебы в школе, потом его прикрыли юристы семейства Грант. Им это не показалось забавным, как и моим родителям, как и мне, но я осознала это куда позже.

– Да, мало кто верит, что мы просто друзья, – подтверждает друг и тут же портит все окончательно: – Ты потрясающе выглядишь, Алекс, на целое состояние!

Господи! Да я готова убить его за это! Все! Финиш! Теперь можно окончательно забыть об общении с ним в ее присутствии!

– Ты, Тео, чертов идиот!

В моем клубе пополнение! И не надо объяснять, почему вдруг произошло “обращение”. Просто я – дружбан, а потому не должна, не могу выглядеть на целое состояние. Так можно отзываться о подружках, но уж никак не о друзьях, девицах, что ты скрывал до последнего момента. Я знаю, чего добивается Теодор: он ждет, когда появится та, что не станет устраивать ему истерики по поводу “дружбана”, настраивать против меня и строить козни. Детский сад, ей-Богу! И не объяснить ему ничего. Он, видите ли, ждет необыкновенную девушку. Похвально! Но мне кажется, что он не там ищет.

– Пожалуйста, не слушай его.

Я перевожу взгляд на Мелоди, с лица которой быстро попало недовольное выражение, уступив место дежурной бла-

гожелательной улыбке. Я тяну к ней руку.

– Забудь эти слова. Мы дружим с ним с детского сада, и я не претендую ни на его руку, ни на сердце, ни на какие иные части тела. У меня на примете рыба покрупче.

Она не верит мне, а я добавляю следующее, кося на Тео веселым взглядом. Я предвкушаю его реакцию, которое развевает его утомленное бабскими разборками выражение лица.

– Мистер Дон, – сообщаю я ей доверительно, – когда-нибудь он бросит Мелани и женится на мне.

Тео запрокидывает голову, смеясь, прижимая к себе свою нимфу.

– Я буду твоей мачехой и твоей свекровью, – последнее я говорю с некоторой угрозой.

ГЛАВА 6

О! Мой взгляд перемещается ей за плечо, заметив предмет моей возмутительной речи. Я должна поприветствовать миссис Трант. Эта семья не заменяет мне мою, но за все прошедшие годы они стали для меня очень близкими людьми.

– Ладно, еще увидимся. Пойду поздороваюсь со своей соперницей.

С самым коварным выражением лица я покидаю этих голубков и спешу к маме Тео. Моя “соперница” обнимает меня, отнимая от лица маску.

– Александра!

– Миссис Трант. – Я касаюсь ее щеки губами, ощущая исходящий от нее тонкий запах жасмина. – Вы великолепны.

Она безупречна в своем образе Жаклин Онассис-Кеннеди и отличается от многих присутствующих на ряженой вечеринке именно выбором наряда, даже я не соригинальничала, появившись в образе богини. Тут нас целый пантеон. Словно фильм по Гомеру снимают. Слишком поздно опомнились!

– Спасибо милая. Как папа? Вирджиния?

Я киваю. Все хорошо. Как обычно. Без обострений и плохих новостей. Мама больна и уже достаточно давно, отец винит себя в этом. Он – врач и так долго не обращал внимания на поведение жены, не заметил таких явных симптомов.

– В порядке, – говорю я заученную фразу, потому что никому не нужны твои проблемы и испорченное настроение. – Передавали вам большой привет.

Это светская беседа. О серьезных вещах на таких мероприятиях долго не говорят. Чета Трант давно общается и дружит с моей семьей, интерес Мелани совсем не праздный, но я уже все сказала по поводу светского трёпа.

– Это хорошо, – выдыхает Мелани и тут же добавляет, с одобрением оглядев меня. – Ты очаровательна, юная богиня, не потерялась на фоне этого белого великолепия.

Мне кажется, что и она особо не старалась над своим костюмом, так, привнесла в свой повседневный образ ретро-штрих в виде старомодных аксессуаров. Крупные серьги из каплевидного жемчуга; длинные, чуть ли не до самых плеч, белые перчатки; взбитые в высокую прическу локоны с украшающей их брошью-шпилькой. Ей идет. Такие же несо-

вершенные черты лица, как у первой леди прошлого века, где-то чересчур вытянутые и крупные, но в целом очаровательно-прекрасные.

– Спасибо за приглашение. Ценю, что вы не забываете меня.

Она кивает, а потом недовольно дергает уголком губ, взглянув куда-то в сторону.

– Ты видела эту...

Судьба Мелоди предрешена. Она, кстати, тоже не в белом, а в черном платье, как-никак богиня ночи. Тем не менее, не быть ей супругой наследника многомиллионного состояния, даже если забыть о выходке Тео, даже если предположить, что он втрескается в нее по уши. Вместо ее имени Мелани использовала слово “эту” и это уже плохой знак. У матери Тео отличная память на лица и имена, горе тому, кто попал в список “забытых”. Такое уже было.

– Мелоди, – подсказываю я ей.

– Как она тебе?

Она в маске и, наверное, была бы мила, если бы не сюрпризы Теодора. Я осторожно пожимаю плечами.

– Милая, но я не думаю, что это серьезно.

Тем, в кого влюблены страстно и без оглядки, проверку друзьями не устраивают. Их берегут и смотрят с обожанием.

– Хорошо, что я пригласила тебя!

Вот теперь неприятно, но я быстро отгоняю от себя это первое ощущение. Мелани приглашает меня на светские ме-

роприятия каждый год, вне зависимости есть у Тео кто-то на тот момент или нет. Она уверена, что мне найдется достойная партия. Я на этот счет настроена скептически, и ситуация с Ричардом как-то окончательно подчеркнула эту уверенность. Одни настроены слишком легкомысленно, другие даже не думают о серьезных отношениях, а грезят играми с большими деньгами и сколачиванием собственного состояния, а других есть мамы по типу Мелани.

– Он притащил ее на семейный ужин.

О! Такой важный момент для многих пар, да, только для Тео это лишь повод позлить мать. Хочу знать, чем Мелани на этот раз не угодила сыну. Он вообще-то ее любит, но рассказать, что случилось, не мог по нескольким причинам – Тео не любит трепаться по телефону и предпочитает разговоры по душам с глазу на глаз за каким-нибудь рутинным занятием, например, чтением.

– Уверена, что это ничего не значит.

– Ты думаешь? – Она все еще хмурится. – Мне на следующий день звонила ее мать, эта актриса Пэлтроу.

– И что вы?

– Мы поболтали, но общий тон беседы давал понять, что я не в восторге от происходящего.

ГЛАВА 7

– Я не пойду.

Рэдж упирается и ведет себя совсем, как маленькая. Она сама напросилась на вечеринку, а теперь стесняется идти на

нее. Ее смущает собственный наряд – коктейльное платье, сплошь и рядом состоящее из пайеток, что шелестят и массируют кожу, стоит только провести по ним рукой. Геометрический узор из нескольких перекрещивающихся линий синего цвета очень стройнит ее и делает такой соблазнительной.

– Я рядом с тобой просто чучело.

– Не говори глупостей! Ты шикарна!

Ей не надо было давать спуску! Надо было сходить за ней самостоятельно, взять и привести за руку, не позволять дожидаться меня перед дверьми. Насмотрелась на время от времени выходящих девчонок, позаглядывала в зал через проем открывающейся двери. Может ей кто-то что-то сказал? Или посмотрел как-то не так?

– Поверь, я чувствую себя точно также, пару минут назад так и было, – пытаюсь успокоить я ее. – Была белой вороной, когда вокруг все такие яркие, блестящие, сексуальные.

Реджи качает головой. Я не понимаю ее стеснения. Да, у нас разные платья. Но это ведь Хэллоуин и какого-то определенного дресс-кода на таких вечеринках нет. Все что нужно, – быть уверенной и веселой. Ей никто и слова не скажет, поостерегутся! Никто не знает, кто на самом деле скрывается под маской, а вот когда их снимут, тогда жди беды!

– У меня и приглашения нет!

Я еще раз машу перед ней конвертом с пустой строкой для имени и фамилии.

– У меня есть. Тебя никто не узнает в маске...

Я сдаюсь. Я надеялась, что смогу порадовать подругу, а она вдруг стала такой неуверенной. Чувствую себя без двух минут психотерапевтом ученицы старшей школы.

– Хорошо, – я хватаю ее за руку, – пошли!

Она идет за мной и, слава Богу, не сильно упирается при этом. Я завожу ее в уборную, в третью, если быть точной, перед этим убедившись, что в ней точно никого нет.

– Раздевайся! – командуя я, принимаясь расстегивать скрытую молнию своего платья. – Раз уж тебе важно быть такой, как все.

Глаза Реджи округляются, она пытается что-то возражать, но я совсем не шучу, освобождаясь от ожерелья-ошейника. Крючки захватывают короткие волосы. Я шиплю.

– Помоги мне!

Я поворачиваюсь к ней спиной, наклоняя голову вперед. Такие вещи помогают как надевать, так и снимать.

– У меня и размер другой. Рост...

– У тебя каблук! Редж! – рявкаю я на нее, не выдержав ее нытья. – Давай же! Сегодня не новый год, но давай твое желание исполнится?!

Платье едва ли не падает к моим ногам, щекоча руки тонкими цепочками.

– Алекс!

– Раздевайся!

Всего пара минут и вот я стою в коротком платье, с распу-

ценными волосами, укладывая локоны Редж в подобие греческой прически. Это заняло чуть дольше времени, чем фокус с переодеванием, но все из-за того, что я “боюсь” чужих шевелюр. Боюсь сделать больно, потому что не чувствую их.

ГЛАВА 8

– Теодор!

Алекс хватает его за руку, верно определив, кто есть кто в компании похожих друг на друга мужчин. Мальчики очень хорошо придумали с костюмами, что может быть проще, чем спрятаться за одинаковыми, хорошо сидящими смокингами, которых в зале не меньше сотни, а то и больше? Лишь у десяти процентов мужчин что-то более-менее напоминающее карнавальные костюмы, и наверняка они чувствуют себя белыми воронами. Смокинг – это всегда круто и сексуально!

– Что за девочка?

– Что за ноги?!

– Нужно избавиться от Транта! Его бабы как будто одним местом чувуют!

– Кошельком?

– Почти!

Слышится позади них, но Алекс только закатывает глаза в ответ на это.

– Ты?! – Тео наконец перестает сопротивляться, – Потрясающе выглядишь!

Она прижимает палец ко рту, умоляя его быть потише и не рассекречивать ее инкогнито раньше времени. Реджи пе-

реминается с ноги на ногу здесь же.

– Я ведь тебе об этом уже говорил?! – У него сомневающийся взгляд, даже немного рассеянный.

– Нет, вы поглядите на него! – Она не выдерживает и прыскает со смеху. – В костюме Геры ты меня узнал, а в этом нет!

Тео откидывает в сторону длинную челку, но та опять лезет ему в глаза, и мужчина, в конце концов, задирает маску наверх, оглядывая Алекс уже второй раз с головы до ног, а потом возвращаясь к ее лицу. В карих глазах друга черти начинают пускать петарды и фейерверки, так они переливаются на свету в мерцающих лампах холла, имитирующих горение свечей.

– В том-то и дело, Дарресон, на вторую копию тебя я совсем не рассчитывал!

– Не кричи ты так. Да, это я. И у меня к тебе дело.

Она хватается за руку Реджи, вытаскивает ее из тени колонны и выставленной возле нее горы светящихся, блестящих тыкв.

– Пойдем! Отступать больше некуда!

– Алекс!.. – продолжает пищать она.

Все это увлекательно, но скоро игра в Крестную и Золушку начнет утомлять ее. Уже сейчас в голове мелькнула мысль, а не махнуть ли рукой на это все? Все взрослые люди. Они коллеги, и Алекс хоть и пообещала, но в итоге сделала все, что могла!

– Леди. – Тео принимает руку девушку и незамедлительно тянет ее к своему лицу, целуя тыльную сторону ладони. – Очарован.

Алекс сдерживает улыбку, глядя на включившего “галантность” друга. Ее не страшит, если и в зале он будет вести себя точно так же. Она все продумала. Алекс Дарресон исчезнет до момента, когда все должны будут снять маски, а может и вовсе больше не появиться этим вечером. Рэджи может остаться до этого момента и произвести маленький, но фурор, скандал, если хотите, или сбежать, оставив всем присутствующим иллюзию, что на вечеринке была Алекс Дарресон.

– Реджина, этот невероятно обаятельный наглец – мой лучший друг Теодор.

Она не стала представлять его вместе с фамилией. Это лишнее, официоз здесь совершенно ни к чему.

– Знакомься, моя жутко стеснительная коллега Реджи. У нее своя рубрика на целых три страницы, из которых две с разворотом!

На лице Тео появилось выражение легкого удивления, а потом оно и вовсе становится строгим и даже безучастным. На таких мероприятиях не любят журналистов.

– Алекс!

– Это не желтая пресса и не те статьи, о которых ты думаешь. Я работаю в том же журнале!

– Ты – другое дело!

– Мне бы твою уверенность в своей порядочности! – Алекс веселится, внезапно посмотрев на этот день под другим углом. – Я вижу путь к креслу главного редактора!

Он берется за край ее шляпы и тянет его девушке на лицо. Алекс отмахивается, ненадолго снимая головной убор и вновь водружая круг из сатина, шелка и проволоки обратно на голову.

– Она любит технику, пишет о ней и...

Реджи пишет об автомобилях, мотоциклах, самолетах, катерах и лодках с приставкой “супер”. Только качественные обзоры и никаких фраз, что “от ее урчания у тебя намокнут трусики”.

– И даже вожу!

У Тео все еще сомневающийся взгляд, но после таких слов он трансформируется в пренебрежительно-смеющийся, и Алекс видит, как он говорит в своих мыслях: “Если тебе удалось побывать на тест-драйве, девочка, то это еще совсем ничего не значит!”

– И могу продемонстрировать это!

– Ловлю на слове.

Теодор протягивает Реджи еще полный бокал шампанского, а сам смотрит на Алекс, предлагая ей продолжить. Он еще не услышал, в чем суть ее просьбы, хоть и догадывается об этом.

– Она испортила свое платье для вечера, пришла в этом, – Алекс в отличие от Редж не испытывает совершенно никако-

го дискомфорта в своем новом наряде, – и поняла, что просчиталась.

Александра придумывает историю на ходу. Тео совсем не обязательно знать истинное положение вещей. Быть может, этот день станет для Редж сказкой и уроком одновременно. Возможно, что отныне она будет иметь в шкафу хотя бы одно выходное платье подобного рода. Или же подружка больше ни за что и никогда не ввяжется в авантюру наподобие этой и не станет проситься на такие мероприятия, забудет свой интерес к “небожителям”. Алекс кажется, что произойдет второе. С ней, во всяком случае, так и было, но как знать, может Рэджина в конечном счете слеплена из другого теста.

– Ты не мог составить ей компанию?

Она доверяет ему. Трудно представить кандидатуру лучше, чем Тео. Он – сын миллионера, должен быть разнуздан, избалован, испорчен и не ценить ничего и никого, что не принадлежало бы ему. Он – не такой, и только Мелани считает иначе. Ей кажется, что он слишком легкомысленный, а он романтик и хочет влюбиться “не в сущую идиотку!”

– Алекс!

Второй раз окликает ее, между прочим.

– Как ты узнала?

Алекс оказывается возле Тео, тот заправляет руки в карманы иссиня-черных брюк, смотрит на нее очень серьезно и требовательно.

Она не сразу понимает, о ком или о чем он, а потом за-

кусывает губу, осознавая, что поторопилась и просчиталась. Она забыла о Мелоди, совсем-совсем. Алекс отнеслась к ней несерьезно, все из-за того, что видела ее глаза и...

– Как я узнала что?

Все еще можно переиграть. В их компании есть нормальные ребята. Не такие нормальные, как Тео, но тут уж все зависит от Реджи – главное, чтобы она не выключала голову и не забывала, что эта часть тела нужна не только для того, чтобы в нее пить.

– Ты разговаривала с этой дурой?

– Нет.

– Ты бы и не сказала, да?..

Тео не перестает быть серьезным. Он все еще беспокоится за нее и думает, что может повториться случай из средней школы. Зря. Она теперь может постоять за себя, девочкам тоже не нравится, когда их бьют коленом в пах и разбивают носы, красавицам тем более.

– Не сказала бы, но дело не в этом. Я, правда, не видела ее больше.

Она танцевала, общалась, пила шампанское и вновь танцевала с кем-то. Кажется, с мистером Доном.

– Мне ненадолго! – вставляет журналистка модного и уважаемого издания, видимо решив, что тот собирается отказаться.

“Ей-Богу, уж лучше бы молчала!”

Алекс догадывается, в чем ее проблема. В таких местах,

мега-пафосных, крутых, узнаваемых и престижных, работают умные и образованные карьеристки, милые, а теперь дерзкие девочки, бывшие зубрилы, в свое время задвинувшие личную жизнь куда-то на чердак. Однако когда пришло время, наступил тот самый час, они вообще не понимают, что делать со своей женственностью, как общаться с парнями, чтобы потом не плакать в туалете, оправляя задранную юбку до неприличия короткого платья.

– Я не видела ее больше. Вы что же, расстались? Вот так быстро?

Тео кивает, подходит к ней и, сдернув шляпу, прижимается к ее лбу губами, настойчиво, а потом водружает головной убор обратно. Алекс поправляет его бабочку, выравнивая вдоль воображаемой линии.

– Ты знаешь, я не люблю истерик. Не бери в голову.

Он переводит взгляд на Рэджи, протягивает ей руку, а когда та принимает ее, укладывает ее на сгиб своего локтя.

– Тео! – зовет она его и показывает глазами вверх. – Маска!

ГЛАВА 9

Они исчезают за огромными створками, ведущими в зал, охрана на дверях еще раз оглядывает коридор и закрывает их за ними.

Рынок хороших секьюрити оказался не так велик, как могло бы показаться. Она знает их, они помнят ее в лицо. Они пропустят ее даже в том случае, если она съест пригла-

шение прямо у них на глазах.

Алекс выдыхает, еще раз поправляет шляпу, потом перебрасывает на бедро сумочку и идет вперед. На этой вечеринке все еще скучно и самое веселье начнется тогда, когда папы и мамы решат, что они насмотрелись и худшее уже позади, отправятся домой или в гости, или на вечеринки для тех, кому около семидесяти.

“Мы давным-давно не в школе, но они, кажется, забыли об этом!”

Они будут пить вино, бренди, коньяк и виски, курить сигары и смачивать их в алкоголе, продолжать говорить о делах или обсуждать приобретения, звать друг друга покататься на яхтах, поохотиться или еще что-нибудь эдакое.

“Интересно, кто будет выступать на этот раз?”

Она помнит, как в последний раз на мероприятии подобном этому восторженная толпа молодежи раскачивалась туда-сюда, взмахивая руками под какого-то исполнителя R'n'B. Ей хочется попасть на вечеринку от редакции, там, кажется, интереснее! Когда она была там час назад, все шло к тому, что скоро будет весело!

Босоножки Алекс тонут в мягком ковровине и не дают пробиться стуку шпилек, звонко ударяющихся о мраморные плиты коридора.

“Что-то не так!”

Она останавливается, потом делает еще несколько шагов и вновь останавливается, даже сдает назад, пятясь, не пони-

мая, что же привлекло ее внимание.

– Я оценил. Можете перестать вышагивать туда-сюда.

Она оглядывается на мужчину, что стоит у резных перил, так же, как и Реджи совсем недавно, спрятанный в тени колонны.

– Поздравляю, – бросает она, прислушиваясь к себе. – Ваш вечер удался.

Она никак не комментирует его великодушное разрешение. Алекс проверяет все ли на месте.

– Чёрт! Чёрт! Чёрт! Пожалуйста, будь тут!

Она хватая сумочку, раскрывает ее и едва ли не стонет от досады. Смартфон! Он не гремел в жестком футляре, стелкаясь с ключами, помадой, пастилками для больного горла, не вибрировал, уведомляя о присланных сообщениях, потому что она оставила его в туалете!

– Может вам помочь?

– Чем? – тут же откликается она и добавляет весьма серьезно: – Спрячьтесь, пожалуйста, обратно!

Как она могла его забыть? В нем столько всего важного! В нем столько телефонных номеров! Нет, черт с ними! Их все можно восстановить! Там есть фотографии, и понять, кто есть кто, не составит большого труда. Вот тут-то опять возникает проблема номеров. Они ведь настоящие! Они ведут не на пресс-секретарей, а на реальных людей!

– Чёрт возьми!

Алекс возвращается в уборную, обшаривает все ее углы

и не находит ничего, что напоминало о смартфоне. Подозревать уборщицу глупо – урны полны, кто-то оставил здесь свои кашемировые перчатки нежно-розового цвета. Телефон взял, а перчатки оставил? Может быть, это перчатки самого воришки? Вряд ли.

– Проклятье!

Это не та уборная! Алекс не понимает, совсем-совсем! Как это могло произойти? Они никуда не поднимались и не сворачивали, пришли сюда, и она переодевалась в этом жутко холодном помещении.

Здесь не холодно. Здесь тепло и пахнет иначе. Здесь пахнет какими-то розами, а там... Ментолом? Мятай? Хвоей? Бергамотом? Пачули?

Ну, конечно же! То была мужская уборная! Да, только Алекс не верится в это! Совсем.

Она выходит в коридор, оглядывается по сторонам и приоткрывает дверь с висящим на ней мужским профилем дракулы. Она не верит и поэтому отклоняется обратно. Точно! Дракула!

“Тогда что на женской?”

Она перебегает коридор в обратном направлении.

“Мартиша Адамс?”

Точно она! Ее ни с кем не перепутаешь!

– Мисс? – Ее отстраняют в сторону. – Вы позволите?

В туалете слишком много народу. Двое мужчин моют руки, еще двое разговаривают с ними, беседуют, смеются над

чем-то, оборачиваются на приоткрытую дверь. Алекс отступает. Надо подождать, когда они выйдут, а потом зайти самой.

– Леди?

Ей достается еще две пары заинтересованных взглядов от мужчин, которые зашли в комнату с удобствами. День всех святых издевается над ней!

Сколько еще надо прождать, когда эти “кумушки” наговорятся? Может, и нет там уже телефона? Где вероятность того, что не придет еще кто-то? И так не будет продолжаться до бесконечности? Это что, единственный туалет на весь отель?

Алекс возвращается обратно и, как назло, не встречает ни одного знакомого. Шансов, что она найдет телефон в целости и сохранности все меньше и меньше. Она думает о звонках, о снимках в прессе, о шантаже и содрогается от предвкушения.

“Кошмар!”

Хэллоуин удался! Все это теперь не радует ее. Все это блестящее, мистическое великолепие. Она хотела прогуляться к тому небольшому парку неподалеку, там все в фонариках и тыквах, а теперь...

“Все не так страшно! Все разрешится!”

Правильнее всего было спуститься вниз, найти кого-нибудь из служащих отеля и попросить помочь ей.

– Ведьма, я тебя знаю?

ГЛАВА 10

Незнакомец у колонны попался на глаза быстрее, чем ребята в бордовых пиджаках, жакетах, передниках и платьях. Точнее, это он окликнул ее и самую малость напугал, вдруг выглянув из своей тени. Ну и костюм он себе выбрал!

– Я могу попросить вас о помощи?

– О! Это опять вы! – раздается глухим голосом из-под птичьей маски и в голосе этом слышится недовольство, смешанное с разочарованием. – Теперь вам нужна моя помощь?

Она, кажется, слышит нотки издевки, но задвигает просящийся сарказм и свое раздражение на задний план. Ей нужен ее телефон, и он поможет ей достать его! Она очень надеется на это.

– Это всего лишь вы! – в тон ему откликается она, так же сделав вид, что не сразу узнала его. – Я вижу, вы не забыли меня?

Чумной доктор остается неподвижным, разглядывая ее со своего укрытия-наседы.

– Вы напоминаете о себе уже который раз, и это начинает походить на постоянство. Естественно, я не забыл о вас.

Алекс не собирается повторяться. Ей все еще нужна помощь, а он грубит ей и хамит, и даже не собирается быть любезным. С какой вечеринки этот гад? Она ему ничего не сделала и нагрубила только в ответ.

– Что у вас произошло?

Мужчина в зловещем костюме выпрямляется и подходит к ней. Ей тревожно. Чем дальше она уходит от своего смарт-

фона, тем страшнее ей становится. Чертова психика! До момента обнаружения пропажи все было великолепно!

– И как я могу вам помочь?

Алекс оставляет попытки сфокусироваться на его лице, не понятно на что смотреть – то ли на клюв, то ли пытаться искать глаза в прорезях маски, то ли на отсутствующий рот, закрытый темной тканью. Где птица этого чертового Элана По?

– Я хочу, чтобы вы зашли в мужской туалет!

– И только?

О да! Она способна удивлять! Гордиться конкретно в этом случае особо нечем. Ей – точно!

– Нет. Я забыла в нем свой телефон, верните мне его! – Клюв доктора поворачивается в ее сторону. – Пожалуйста.

Добавляет она торопливо.

– Вы были в мужской уборной, но теперь стесняетесь зайти в нее?

Алекс кивает. Она спешит. Будет чудом, если он так и лежит на мойке! Действительно невероятно, если ей до сих пор так никто и не позвонил. Телефон черный, практический сливающийся с темной поверхностью столешницы у раковины, но не заметить засветившийся экран будет невозможно.

– Тогда там было не так много народу.

– Но вы были не одна?

– Нас было двое.

Слышно, как мужчина усмехается и едва слышно говорит что-то, кажется это слово “разумеется”, но Алекс машет на это рукой, снимает шляпу, потому что она наползает вместе со светлыми прядями волос ей на лицо и мешает обзору.

– Он должен лежать на мойке, крайней, поближе к ящику с салфетками. Обыкновенный.

– С логотипом яблока?

Наверное, в другой раз его насмешки показались ей забавными. У него, кажется, сложилось кое-какое мнение на ее счет.

– Нет, обыкновенный Huawei, – отвечает она сердито.

– Чем он так дорог вам?

Алекс жмет плечами. Она не ожидала такого вопроса.

“Разве не все девушки привязаны к своим гаджетам?”

Он берет ее за руку и тащит за собой. У него шире шаг, и она едва поспевает за ним. В таком платье ей было проще задрать его повыше и сделать вид, что это футболка. Тогда ей не придется то и дело что поправлять его.

– Там много важных контактов, еще фотографии. Они дороги мне.

Вновь ей слышится что-то вроде усмешки.

– Синхронизация с google – ты не в курсе об этой функции?

– Наслышана! – огрызается она. – Я бы не хотела, чтобы эти фотографии видели посторонние люди!

В этот раз он ничего не ответил. Темная фигура мужчины,

закованная в плащ, закрывающая его с головы до ног исчезает в уборной. Алекс ждет, изводится, проходит несколько долгих секунд, прежде чем тот зовет ее к себе.

– Иди сюда!

Александра игнорирует в очередной раз, делает вид, что не замечает, что птичий доктор обратился к ней на “ты”. Она открывает дверь, делает шаг и оказывается в помещении, в котором уже и нет никого, хотя еще пару минут назад оно едва ли не ломилось от народу.

“Что здесь произошло? Меня не было пару минут! К черту, главное телефон!”

В туалете стало темнее, мигают лампы на потолке, а под ногами скрипят осколки. В целости и сохранности остались лишь бра на стене.

– Черт! Ну, знала же, что надо подождать!

Она шарит глазами по столешнице, по полу, смотрит на его руки и говорит: “Ой!” Мужчина сажает ее на обжигающе холодную и мокрую поверхность мойки, разводит ее ноги и встает между ними, тем самым затруднив ее спуск и возможность бегства.

ГЛАВА 11

– Что вы делаете?

Он кладет рядом шляпу, капюшон падает ему на плечи, снимает маску, точнее задирает ее наверх и с интересом смотрит ей в лицо. Алекс испытывает что-то сродни разочарованию. Его лицо не стало более открытым, маска на лбу

оставляет доступной взгляду лишь часть лица – его глаза и переносицу.

– Сколько?

Он бесцеремонно гладит ее по бедрам, запуская руки под и без того короткую, задравшуюся наверх юбку платья.

– Что?!

– Перестань! Весь этот маскарад больше ни к чему.

– Да? – переспрашивает она ошарашенно, впечатленная быстрой сменой настроения и всем происходящим. – Тогда снимайте маску!

Алекс пытается остановить его руки, что теперь ложатся ей на талию, сжимают ее и вновь приподнимают, усаживая заново, но вовсе не потому, что ей неудобно, а чтобы стать еще ближе, притянуть ее к себе, заставить обнять ногами и оказаться так тесно, чтобы ощутить его запах, его разгоряченный, напряженный пах.

“Однако!”

– Уловка с телефоном была хороша, – продолжает он сквозь ткань не то платка, не то шарфа. – Я, признаться, на какое-то мгновение поверил тебе...

От него пахнет чем-то свежим, а еще чистой одеждой, с только-только прошедшимся по ней утюгом.

“К черту! Меня сейчас изнасилуют!”

Алекс отталкивает его от себя. Она признаться немного потерялась от стремительности происходящего.

– Так сколько?

– Вы ошибаетесь!..

Она задыхается от его аромата, от захватившего ее чувства паники, от... от... приятных прикосновений его рук, таких горячих и по-хозяйски шарящих по телу, согревающих поясницу, спину, лопатки. Крючки бюстгалтера сдаются без боя, в умелых руках психопата.

– О Господи! Отпусти же ты меня!

Она не знает, за что хвататься, то ли за освобожденную грудь, за упавший на талию лифчик, то ли за его руки, что теперь глядят ее, играют с сосками, щипают. Алекс дергается, цепляясь за кран, но не собирается расслабляться и залепляет ему пощечину. Действие выходит смазанным, все из-за ткани на его лице и тут же отталкивает его от себя, так что мужчина пятится и замирает. Откуда только силы взялись?!

– Ты ошибаешься!

Она тяжело дышит, а глаза незнакомца становятся такими насыщенными, как будто даже светятся, но Алекс, в голове который мысли только что сплясали, нет, сыграли чехарду, прыгивает на пол и бежит к двери.

“К черту телефон!”

Ее, слава Богу, никто не пытается остановить. Открыв дверь, она тут же отлетает в сторону. Алекс возвращается обратно, огибает несостоявшегося маньяка, решившего, что она проститутка, и идет к кабинкам, распахивая дверь.

– Какого черта ты творишь?!

Он держит дверь. Его глаза!

"К черту глаза!"

Там Рик с какой-то девицей и они идут прямо сюда!

– Отпустите!

– Сначала объяснение!

Алекс творит немыслимое, она хватается парня за шарф и тянет к себе, вместе с дверью, что он так и не отпустил.

"Он ведь должен быть на студенческой вечеринке!"

Она оказывается в невероятно тесном и узком помещении, силясь не сесть на унитаз или не встать в него ногой. Ненадолго. Горе-маньяк притягивает ее к себе, прижимает в одно движение руки.

– Ты сумасшедшая!

– Да кто бы говорил?! Там мой бывший парень! Не хочу, чтобы он видел...

Алекс замолкает, наваливаясь на него, зажимает его рот своей ладонью. Секунда – и они теперь не одни.

– Вот ведь стерва!

Девица пьяненько смеется, слышен шорох, сопение.

– Она решила бросить меня по телефону!

По голосу Рика становится понятным, что он изрядно пьян. Алекс прежде опасалась связываться с ним таким, предпочитая исчезнуть, оставить его одного, но чаще всего в компании с его друзьями. Пьяные пугают ее, и есть откуда взяться этому неприятию.

– Давай же! – просит его невидимая для Алекс женщина, с капризными интонациями. – Я больше не могу!

Брови Алекс выгибаются, на лицо просится нервная улыбка. Она отступает, едва не теряет равновесие и оказывается подхваченной под ягодицы, прижатой к холодной деревянной перегородке, захваченной горячими ароматами жасмина и бергамота, лайма и пачули. По ту сторону двери, совсем неподалеку слышится усердное сопение.

– погоди! У меня для этой дряни есть один небольшой сюрприз!

– Что ты делаешь?!

Слышно клацанье затвора в камере телефона. Женщина громко смеется. Ее смех эхом отражается в холодных стенах уборной.

– Такой большой! Иди сюда!

– погоди, этот еще надо отослать ей!

Алекс испытывает отвращение и даже рвотный позыв после того, как слышит вновь возобновившийся стон, и мужской, и женский. Новое клацанье затвора и звук отправляемого сообщения.

Тык. Тык. Тык. Ватсап отправляет сообщения.

“Господи! Да сколько же ты их отправил?! Сам сказал, что “небольшой”, не лъсти себе!”

Она прижимается к держащему ее мужчине, прячет нос на его груди, чтобы отвлечься на что-то приятное, чтобы ее не вывернуло наизнанку.

“Поступила, как ребенок, получай фоточки причиндала на телефон!”

Алекс отстраняется от все еще незнакомого для нее мужчины, привлеченная движением в его штанах.

Это не его достоинство.

Это вибрация телефона. Алекс смотрит в лицо мужчины. Она больше, чем уверена, что вещь в его кармане принадлежит ей. Тот никак не комментирует произошедшее, только выгибает бровь в ответ на ее (она уверена, что возмущенный) взгляд.

Бах!

Их обдаёт мелкими осколками стекла от лопнувшей над их головами лампы.

Бах!

Не выдерживает вторая. Плечи Алекс жжет от приземлившихся на них искр. Они погружаются в темноту. Она только-только различает черты лица незнакомца.

– Что за черт?!

– Рич! – хнычет девушка. Алекс уверена, что он подцепил ее в студенческом городке. Кто бы еще стал вести себя подобным образом? Журналистки? Ну... Наверное, не стоит сбрасывать их со щитов.

Маньяк отнимает от задницы Алекс руку, его пальцы ловко закрывают замок (!) и на всякий случай держат ручку. Сердце Алекс стучит, как бешеное. За тонким слоем не то дерева, не то стилизованного под него пластика слышатся шаги.

– Эй! Есть здесь кто?!

Соседняя кабинка грохочет, открывшись, она ударяется совсем рядом, заставляя Алекс вздрогнуть, дернуться, но руки “доктора ” продолжают держать ее и не дают ни упасть, ни вырваться, ни выдать себя.

– Развлекаешься сам, не мешай другим! – бросает в ответ ее сосед по кабинке. – Продолжай, детка!

Ричард Безос пьяно смеется и еще раз ударяет в дверь. Наверное, этот жест, означает солидарность в мужском сообществе. Его веселье не длится долго.

Бах!

Лопается еще одна лампа. Девица визжит. Эти звуки похожи на выстрелы из черно-белого кино.

– Удачи, парень! Вечер вышел на славу не только у меня! Иди сюда!

ГЛАВА 12

Мужчина теперь приближается к ней, шепчет на ухо едва слышно:

– Все будет в порядке.

Совсем-совсем тихо, так, что Алекс едва улавливает, почти не различает смысл его слов. Она прячет лицо на его груди, нимало не беспокоясь, что может испачкать его одежду своей въедливой ярко-алой помадой.

– Ты так считаешь?

Она не уверена, что он слышит ее, впрочем, как и в том, что сказала это вслух.

– Да.

Они вновь перемещаются. Маньяк сидит, откинувшись назад, устроив ее у себя на коленях. Алекс догадывается, что он рассматривает ее. В ее глазах еще носятся синие пятна от взорвавшегося освещения; сердце стучит, как бешеное, еще не успокоившись от стольких, разом навалившихся на нее событий; ее щеки горят, но причина тому вовсе не сопящий неподалеку Рик.

Не будь все так нелепо, не набросься на нее этот тип так внезапно, не болтайся бюстгальтер на ее талии, не ощущай она себя полуголой с задранной юбкой и так и не натянутой на место бретелькой платья, Алекс бы непременно рассмеялась.

Ей было бы смешно, хотя кто знает, что было бы тому виной – веселье или нервы?

Наверное, и то, и другое.

Этот парень решил, что она специально заманила его в туалет. И все эти ухмылки, и слова, и наводящие вопросы, а еще ее ответы ясно дают понять, за кого конкретно он ее принял.

Алекс столько раз говорила себе о вызывающей откровенности подобных вещичек, что они могут довести до беды любую женщину, оказавшуюся в чем-то подобном не в то время, не в том месте и не в той компании.

И вот!

Случай распорядился так, что настал тот день, когда она не побоялась надеть этот крошечный отрез ткани, усеянный

пайетками.

Ведь вокруг так много своих! Ведь это старый, добрый Roosevelt Hotel, сказочное место с невероятной атмосферой, где по определению не может произойти ничего ужасного!

Теперь ей не до смеха.

Алекс сидит верхом на мужчине, имени которого она не знает. Птичий клюв задран и в темноте напоминает ей единорога.

“Единорога? – она не может не улыбнуться этому сравнению. – Может парня из Ку-клукс-клана?”

Он так и не успокоился, не остыл, осознав свою оплошность относительно ее истинных намерений. Парень в пугающем маскарадном костюме продолжает гладить ее ноги и бедра, не обращая совершенно никакого внимания на ее руки, что пытаются остановить его.

“Что лучше – хороший секс или плохое изнасилование?”

Ничего. Это кабинка туалета, и всё когда-либо произошедшее в ней в прошлом или в будущем вряд ли можно назвать прекрасным, романтичным или возбуждающим.

“Рик! – торопит она бывшего. – Давай же, черт бы тебя побрал, быстрее!”

Однако она закусывает губу. Алекс забывает о пьяном недоумке. Теперь все ее внимание поглощено другим.

“Чертов доктор!”

Его руки, согрев ладонями грудь, обнажают ее, стянув с ее плеч вторую бретельку платья. Соски болезненно сокра-

цаются, оказавшись на холоде.

Ненадолго.

Он касается одного из них губами, слегка сжимая, касаясь кончиком языка и тут же втягивает в рот. Ее грудь горит от грубого, но такого чувственного, тянущего прикосновения. Горячий язык играет с ее соском, проводит по нему преувеличенно медленно, всей поверхностью, чтобы в следующее мгновение сжать, вместе с губами, прочертить, дразня, зубами.

Алекс дергается, ей холодно и горячо. Она проводит по его волосам, пытаюсь отстранить его от себя, пока еще живы частички сознания.

Тщетно.

Раздается тихий стук.

Так падает маска на бачок унитаза, да так и остается там.

Мужчина, чья рука оказывается у нее на спине, прижимает ее к себе, проведя от талии к лопаткам, сам подается к ней.

Все повторяется, еще медленнее, чем прежде.

Она стонет.

Тихо.

Помимо воли.

Ее тело предало ее в этом, наскоро выдав ее ощущения. Слишком быстро оно откликается на его прикосновения и требует еще, чтобы он повторил этот “трюк”, ласку со второй грудью, что ноет, требуя такого же прикосновения.

Зря.

У незнакомца другие планы на этот счет. Он отпускает ее, поднимает к ней свое лицо.

Алекс замирает.

Его глаза светятся слабым светом и тут же потухают, становясь бесцветными, от “съевшего” их полумрака.

Алекс сглатывает.

Ей это показалось. Она, наверное, и в самом деле перебрала с шампанским раз видит такое и вообще оказалась в подобной ситуации. Алекс отстраняет от себя его руки, толкает в плечи, пытается встать, но тот целует, мигом притянув к себе, смяв губы, терзает их до тех пор, пока она не отвечает ему, и в то же мгновение его язык проскальзывает ей в рот.

Опять этот стон, но в этот раз он идет откуда-то из груди.

Алекс сдаётся, захваченная ощущениями от незнакомых, но все-таки нежных и настойчивых рук.

Чертов доктор прикасается к ее губам, держа ее лицо в плену своих ладоней.

Именно так. Он подчиняет ее себе, не оставляет даже малейшей возможности задуматься, остановиться, ответить.

Алекс запускает руку ему в волосы, притягивает к себе еще ближе, не в силах остановиться и прекратить это безумие.

Врач из кошмаров облизывает ее нижнюю губу, слегка потянув за нее, ласкает затылок пальцами, а другой сжимает правую грудь. Он чертит соском по своей ладони, заключает его между пальцев и вновь сжимает.

Алекс не стонет в этот раз, а выдыхает протяжное “Ах!”

Чертов доктор тянет ее за волосы, заставляя запрокинуть голову, целует шею и ключицы. Он задерживается в своих поцелуях, Алекс слышит, как он вдыхает запах ее кожи. Его пальцы щекочут живот, проводят по нему, задерживаясь в ямочке пупка; игнорируют, не считают за серьезное препятствие тонкую полоску трусиков, отводят в сторону их мокрую ткань.

Пожалуй, это осознание отрезвляет. Алекс дергается, удерживая его руки.

– Нет. – Голос изменяет ей еще больше, чем с утра. Ей кажется, что она хрипит.

Она качает головой; ее плечи покрываются мурашками от скользнувших по плечам волосам и запутавшихся в них пальцев, которые вскоре ложатся ей на бедра.

– Нет?

Все так. Но только не здесь! Она не слышит ничего кроме своего и его смешавшегося дыхания. Чувствует, как сердце заглушает мысли и рвется из-под ее пальцев, лежащих на его груди.

Он кивает, соглашаясь с ее жестом. Мужчина поднимается, поставив ее на ноги, не обратив внимания на вызванный ими шум.

Какая разница? Все и так знают, что они здесь!

Доктор. Он. Мужчина. Маньяк. Психопат.

Как еще назвать его, чтобы не повторяться? Чтобы это не

звучало так ужасно?

Незнакомец, возвышаясь над ней, целует ее еще раз. Настойчиво. Требовательно. Быстро водит языком, проникает им все глубже, словно показывает каким будет продолжение.

У Алекс кружится голова. Впервые. От поцелуя.

Он прижимает ее к себе. Его руки скользят по спине, гладят ягодицы, прижимают к своим разгоряченным бедрам.

Алекс секунду назад сидела на его коленях и чувствовала его жар, как он подрагивал под ней и просился наружу. Теперь мало что изменилось – он все также тверд, горяч и дразнит воображение внушительным размером.

– Нет, – говорит она ему в губы.

Именно. Нет. Пока она еще понимает, что происходит.

– Нет?

Алекс легко ведет бедрами, чем вызывает его усмешку. Это “Хм” с короткой белой полоской зубов, мелькнувшей в ночи.

– Нет.

Он разворачивает ее лицом к двери и подталкивает вперед.

“Выгоняет?”

Всего лишь шаг и она будет на свободе. Она будет достаточно быстра и в темноте, наверное, никто не заметит ее, не поймет, что она это она.

– М-м, – откликается он еще тише. Это тоже означает “нет”.

Она вновь сидит на его коленях, но только спиной к нему, перебрасывает на плечо длинные волосы. Он целует ее спину, лопатки, проводит по ложбинке вдоль позвоночника, щекочет своим дыханием. Его пальцы по-хозяйски сжимают ее грудь, щипают за сосок и в тот момент, когда она дергается, теряет на долю секунды осознание происходящего, другой соскальзывают с живота, отодвигают ткань белья, оказываясь на нежной коже губ.

Обманул ее. Отвлек.

Его пальцы проходят сверху-вниз, расправляя, и медленно... Слишком медленно, изводяще, дразняще оказываются в ней. Нет никакого первого, а потом второго пальца. Он заполняет ее полностью, сразу же, не размениваясь по мелочам.

– Нет? – еще раз уточняет он ей на ухо и целует кожу плеча.

Алекс кивает. Все еще нет. Как бы ни было приятно. Как бы безвыходно все не выглядело теперь. Это чертов петтинг!

– Нет.

Алекс едва ли не стонет, когда он вынимает из нее свои длинные пальцы. Она так близка к финалу. Ее тело наэлектризовалось, впервые воспринимает происходящее, так остро и чувственно, она хочет, чтобы тот вернул их обратно.

Она не попросит его об этом. Нет.

Его влажные пальцы касаются ее искусанных губ, проводят по ним, обрисовывая контуры. Она облизывает их, чув-

ствуя свой вкус и запах, обхватывает, вновь облизывая, тянет.

– Чёрт! – Он кусает ее за плечо, быстро исправляется, целует нежно и бережно, как будто извиняясь за это, но ей понравилось.

Алекс дергается и тут же выгибается в пояснице. Чувство наполненности успокаивает только на мгновение, в следующее, прошивает насквозь невероятно острым и приятным ощущением. Она двигается, скользит по его пальцам, вместе с ним, приподнимается и вновь трется о его разгоряченный, напряженный пах.

Этого недостаточно. Для него.

– Нет? – спрашивает он ее, а Алекс, она слышит, как изменился его голос. Ему теперь ни черта не спокойно и не смешно. Куда делись его ухмылки?

Александра цепляется за мужчину под собой, впиваясь ногтями в его бедро, как будто боится упасть. Она удерживает его руку в себе, легко и едва ли заметно качает головой, не дает ему выйти.

Это ответ на другой вопрос, который так и не прозвучал.

Она стонет так громко, забыв про осторожность, про то, что они тут не одни и что за обстановка вокруг; Алекс дрожит, откидываясь назад, ему на грудь, обнимая его за шею, не замечая его легких поцелуев. Ей хорошо. Она сейчас не здесь. Ее тело опять предало ее.

– Да!

ГЛАВА 13

Дыхание наконец приходит в норму. Сердце мало-помалу успокаивается. Его пальцы только-только покинули ее, расправив напоследок трусики, вернув ткань на место.

“Прибрался за собой! Эстет!”

Алекс все еще сидит на коленях мужчины с широко разведенными ногами. Не достаточно широко, как могло бы быть, но шире просто некуда, пространство не располагает. Он гладит ее бедра, начиная с внутренней стороны, заканчивая коленками. Неспешно. Туда-сюда.

“Руки у него нежные и очень горячие!”

Дыхание ее быть может и успокоилось, сердце перестало стучать так быстро и громко, оргазм не заставил себя ждать и накрыл с головой, так ярко и сочно, но... Ощущая это “туда-сюда”, Алекс осознает, что этого недостаточно.

Петтинг – это классно, приятно, но не в состоянии заменить все остальное. Он не даст ощущение тяжести мужского тела; прикосновений грудью, ногами, бедрами, всем существом к его обнаженной и такой разгоряченной коже, не вернет ответное удовольствие, но только сорванное с губ, в самый последний миг, прежде чем потеряться в потоках общего удовлетворения.

“У него все еще стоит!”

Алекс улыбается и прячет улыбку, опуская голову при этом. Ей не столько лестно такое внимание к себе, ведь он принял ее за одну из тех девиц, что околачиваются при оте-

лях и ищут "кошельки", готовые расстаться с не одной сотней долларов за пару минут удовольствия, сколько смешно.

Теперь, пожалуй, можно и посмеяться.

– Ты и в самом деле рассталась с ним по телефону?

Его голос так и не изменился, оставив в себе обожаемую Алекса хрипотцу. Хрипотца – это даже какое-то мелкое, недостаточно хорошее слово, чтобы описать все интонации и мужественность его голоса. От него бегут мурашки на затылок и вдоль позвоночника, теряются на ягодицах и вновь появляются на ногах, прямо под его ладонями. Его пальцы пытаются преследовать их, но не догоняют, остановившись и переложив руки на талию.

– Да.

– Это, по-твоему, взрослый поступок?

Он не дает ей ответить, задает следующий вопрос:

– Сколько тебе лет?

Алекс смеется, давится хохотом. Он принял ее за нимфетку! Неудивительно, но, как на ее вкус, немного поздно-вато-то он опомнился!

– Двадцать один.

Она поднимается, принимаясь приводить себя в порядок. Маска каким-то чудом осталась на месте, не съехала, тесемки так и не развязались под его пальцами, что тянули и зарывались в ее волосы. Алекс уже какое-то время не замечает ее, как будто та срослась с ее кожей.

– Это, по-твоему, взросло? – повторяется он, оставаясь на

месте. – Точно двадцать один?

В его голосе слышится сомнение.

– Точно.

Алекс прислоняется к стенке, поправляя ремешки на бо-соножках. Ее пальцы поддевают замок двери, быстро проворачивая его влево, но створка, к ее облегчению, пока остается на месте.

– Я не хочу обсуждать, сидя в кафе, почему же я решила порвать с ним, а точнее чем же мне так не понравился телефонный разговор с сиськами вместо подушки с его стороны.

Алекс чувствует, как за ней вырастает тень, отдавая полуобнаженную кожу спины знакомым теплом.

– Пусть это будет инфантильностью и абсолютным детским садом.

– Ты могла ошибаться?

Он помогает застегнуть ей бюстгальтер, перед этим очень аккуратно собрав волосы на ее спине.

– Да. Еще мне могло лишь показаться, что он имел кого-то на мойке отеля пару минут тому назад, если бы не сторис и фотографии его гениталий в моем телефоне.

– Хм, тут уже не поспоришь. – Она слышит, как он улыбается. Это приятная эмоция.

Алекс поворачивается к мужчине. Она не поднимает к нему лица, потому что ей достаточно того, что она уже увидела. Ей хочется унести в своих воспоминаниях образ, сначала отталкивающий, потом страшный, затем только волну-

ющий и страстный.

Все было классно именно в то мгновение.

Реальность обычно другая. Они выйдут из тьмы, холодного сумрака, и все изменится. Свет делает прекрасным, но и показывает ужасное.

Ее принципы – не отдаваться первому встречному и не заниматься ничем подобным в туалете “помахали ручкой”, а еще оставили вместо себя... Да-да, она уверена, что оно там – чувство стыда.

И оно с минуты на минуту даст знать о себе.

Алекс знает, что она не такая, и этот случай скорее исключение, урок на всю жизнь, но ему она этого объяснять, конечно же, не станет, так же как не сможет спокойно, как ни в чем не бывало смотреть ему в глаза, не позволит угостить себя чашечкой кофе.

Она знает, что навсегда останется такой в его глазах, воспоминаниях и представлениях.

"Девчонкой, что отдалась ему в уборной отеля!"

Мир состоит из заблуждений и предубеждений. Они не дают покоя и мешают жить слишком большому количеству людей.

Так что, Алекс выйдет на свет и пойдет вперед, ни разу не оглянувшись. Так поступают взрослые девочки. Они не жалеют ни о чем, делают выводы и двигаются дальше.

– Кстати о нем, – Алекс поднимает лицо и смотрит на его подбородок. – Можно вернуть мне его?

От него очень приятно пахнет. Таким свежим и одновременно горячим запахом. От него пахнет летом, морем и востоком.

– Напиши мне, – требует он, передавая ей нагретый смартфон. – Сейчас же!

– Хорошо, – соглашается она. – Называй номер и дай мне мою шляпу.

Он называет цифры, оглядываясь в поисках остроконечной шляпы. Алекс тем временем вносит числа в строку, пишет сообщение, нажимая на первую попавшуюся фотографию с тыквами. Она отправит push-сообщение, без возможности ответить или узнать ее номер. Не надо этого всего. Ни к чему.

– Ты не спрашиваешь моего имени.

– Предпочитаю познакомиться с тобой в нормальной обстановке, чтобы ты не смущалась, не краснела, не бледнела, не кусала губы, а была самой собой, совсем, как в холле, когда вышагивала передо мной, вилля своим чудесным задом.

Алекс улыбается, закусывая губу, нажимает отправить, не глядя на экран, слышит, как приходит оповещение, приглушенно звеня в складках его одежды.

– Ты так уверен в этом? Что все случится именно так?

Она удаляет его номер, не глядя, не всматриваясь в него, не задерживая взгляд на экране. Не дай Бог запомнит и решит почудить. Она женщина, и у нее, как и у всех остальных, бывают плохие дни.

– Я знаю, что у тебя нет парня, ты не школьница и не требуешь за свои услуги деньги.

Он поворачивается к ней, как раз тогда, когда она открывает дверь и отступает назад, хрустит тонким стеклом от разбитых ламп.

– Так что – да, я уверен в этом.

Всего лишь шаг. Он вновь стоит рядом с ней, так близко, заключив Алекс в плен головокружительно приятных мужских ароматов, своего тепла и присутствия. Безумие, но воля Алекс уже дает сбой.

– Здесь нет твоей шляпы, ведьма.

– Не страшно. – Алекс сминает губы, вновь гипнотизируя его подбородок. – Куплю другую, где-то здесь должна быть лавка сувениров.

Она дотрагивается до его лица, поглаживая и отмечая легкую шершавость кожи подбородка.

– Будь неотразимым на этот раз.